

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НОСТАЛЬГИЯ ПО СОВЕТСКОМУ

Издательство Томского университета
2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	9
1. Ностальгия по советскому в социальных и культурных практиках современности: культурообразующие смыслы эпохи	17
1.1. Ностальгия и идентичность – лента Мёбиуса? (Суханов В.А.)	17
1.2. Человек, история и память (Марков Б.В.)	22
1.3. Как нам относиться к советской истории? (Зиновьев В.П.)	36
1.4. Ностальгия по СССР и интеграционные процессы на постсоветском пространстве (Хатунцев С.В.)	42
1.5. Ностальгическая реконструкция советского: между ретривализмом и де/ремифологизацией (Завершинская Н.А.)	53
1.6. Ностальгия как культурообразующий смысл современной российской жизни (Шмелева Т.В.)	72
2. Советские концепты, мифы, идеологемы в текстовых пространствах современности: знаки ностальгической модальности	83
2.1. Политический конструкт ‘Победа’ в контексте феномена ностальгии по советскому (Щербинина Н.Г.)	83
2.2. Тоска по Родине: ностальгия как поиск утраченного смысла (Щербинин А.И.)	98
2.3. Мифологема «советский человек» в контекстах постперестроечной эпохи: переконструирование мифа (Резанова З.И.)	110
2.4. Родина или совок? Рефлексия «советского» образа жизни в виртуальном дискурсе (Мишанкина Н.А.)	126
3. Ностальгические тексты в дискурсы современности: субъекты и объекты ностальгии	139
3.1. Риторический подход к изучению ностальгии по советскому (Романенко А.П.)	139
3.2. Опыт экспериментального исследования культурной памяти: субъекты и объекты ностальгии по советскому (Пикулева Ю.Б., Попкова Н.Н.)	149
3.3. Смысловое пространство и эмоциональная палитра рефлексии о советском времени (на материале разговоров «о том, как работалось») (Орлова Н.В.)	162
3.4. Советская школа в картине мира учителя: модальность ностальгии (Купина Н.А., Долинина Т.А.)	174
3.5. Мемуары советского человека как моделирование мира упреждающей эпохи (Лебедева Н.Б.)	192
4. Ностальгические тексты и дискурсы современности: истоки, смыслы, формы репрезентации	215
4.1. «Советский текст» в речевой среде постсоветской деревни – свидетельство ностальгии по советскому прошлому? (Тубалова И.В.)	215
4.2. Все или ничего как когнитивная стратегия осмысления советского прошлого (Ташлыкова М.Б.)	231

2.3. Мифологема «советский человек» в контекстах постперестроечной эпохи: переконструирование мифа

Не скажешь лучше Виктора Пелевина:
*«Совок влачил свои дни очень далеко от
нормальной жизни,
но очень недалеко от Бога,
присутствия которого он не замечал».*

Александр Журбин. Как это делалось в
Америке

Миф о формировании новой исторической общности «советский народ», как следствие – нового советского человека – один из самых устойчивых, целенаправленно формируемых в советском государстве мифов.

В словаре терминологии научного коммунизма, вышедшем в 1983 г. в издательстве политической литературы под ред. академика А.М. Румянцева, словосочетанию *советский народ* придается терминологическое значение, которое определяется следующим образом: «Новая историческая, социальная и интернациональная общность людей, возникшая в СССР на основе победы социализма, преодоления классовых и национальных антагонизмов, **сближения различных классов, социальных групп, наций и народностей** в результате построения **развитого социалистического общества** и утверждения теснейшего, нерушимого *единства* всех классов и социальных слоев, всех наций и народностей, *гармонических отношений между ними*». Далее отмечается: «Это – социалистический союз, своего рода *социальный сплав всех трудящихся нашей страны*, имеющих *общую Родину* – Союз ССР, *общее мировоззрение* – марксизм-ленинизм, *общую цель* – коммунизм»¹ (выделение в тексте наше. – З.Р.).

Словарь кодифицирует формирование социального единства, надклассового и надэтничного. Сверхэтническое объединение, согласно характеристикам автора идеологического словаря, совершается на основе приобретения социальной общностью тех черт, которые со времен формирования социальной психологии XIX в. связывались с национальным единством – черт поведения и характера, типа мышления. Однако это надклассовое и надэтничное единство, в отличие

¹ *Научный коммунизм: Словарь* / Под ред. А.М. Румянцева. М.: Изд-во политической литературы, 1983.

от этнического, складывается не стихийно, но базируется на приобретаемой в условиях Советского государства общности мировоззрения, т.е. общности идеологической.

В интернет-энциклопедии отмечается, что первые упоминания словосочетаний *советский человек*, *советский народ* в разных дискурсах и жанрах отмечаются с 30-х гг. XX в. для обозначения населения СССР: в песне 1938 г. В.И. Лебедева-Кумача «Если завтра война», в передовице газеты «Правда» от 21 декабря 1939 г. «Родной Сталин», многочисленных советских произведениях, Приказах И.В. Сталина)¹. Авторы статьи в «Википедии» определяют функциональный статус словосочетания *советский народ* как «идеологическое клише», активно функционирующее в официальных, публицистических текстах с 60-х гг. XX в. «В 1961 году, выступая на XXII съезде КПСС, Н.С. Хрущёв провозгласил: “В СССР сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие характерные черты – советский народ”. Постановлением XXIV съезда КПСС 1971 г. советский народ был провозглашён результатом прочного социально-политического и идейного единства всех классов и слоёв, наций и народностей, заселяющих территорию СССР. Их общим языком – языком советского народа – был признан русский язык»².

В качестве базовых свойств, качеств новой сформированной социальной, культурной, идейной общности людей определялись следующие. Для советского человека 1) советская (социальная, идейная) идентичность более значима, нежели этническая; 2) советский человек не принадлежит ни к какому классу, так как сформировался его некий надклассовый статус, определяемый – «трудящийся человек»; 3) советский человек имеет особое мировоззрение, особый характер, особые черты поведения.

Таким образом, в советских идеологических документах структурируется и кодифицируется миф как весьма значимая часть новой социально-культурной формации: «Миф историчен – он рождается в пределах определенной культуры как ее непосредственный элемент (культура же исторична), и он есть элемент непосредственной коммуникации, которая реализуется «здесь и сей-

¹ *Советский народ* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>

² Там же.

час»¹. В разных дискурсах и жанрах советской коммуникации миф о формировании новой исторической, социальной и интернациональной общности людей объективируется в системе обозначений, к числу важнейших из которых относим терминологизированные словосочетания *советский человек*, *советский народ*. Эти словосочетания отмечаются не только в терминологических словарях общественно-политической лексики, но и в академических лингвистических толковых словарях русского языка, в которых отражается выход слов, словосочетаний, связанных с обозначением смыслов мифологемы, за пределы общественно-политического дискурса, постепенное накопление устойчивого поля оценочных ассоциаций. В словарной статье «Толкового словаря русского языка» Д.Н. Ушакова (СУ) у прилагательного СОВЕТСКИЙ, данного с пометой «новое», фиксируется только комплекс собственно относительных значений («1. Прил. к совет в 6 знач.; прил., по знач. связанное с социалистической организацией власти Советов и общества эпохи диктатуры рабочего класса»)². В словарную статью не включаются словосочетания *советский человек*, *советский народ*. Академический «Словарь современного русского литературного языка» (БАС) наряду с относительным значением отмечает под знаком || формирование у слова *советский* качественного значения «свойственный, присущий людям Страны Советов» и приводит в иллюстративной части статьи словосочетания *советская идеология*, *советский патриотизм* и контексты, актуализирующие качественные смыслы словосочетаний: *Женщина в колхозе превратилась в великую силу, активно строящую новую, колхозную жизнь, новый, советский быт*. Киров. Ст. и речи 1934, с. 34. *Уже родились новые, советские чувства, и первым из них – чувство хозяина*. Горбат. Донбасс, II, 1³.

Дефиниции значений и приводимые контексты свидетельствуют о развитии семантики прилагательного *советский* в двух направлениях, проявляющихся в специализированной сочетаемости. В первом случае относительное прилагательное *советский* называет отношение определяемого объекта к исторической эпохе, маркирован-

¹ *Ролан Барт*. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989.

² *Толковый словарь русского языка* / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935-1940.

³ *Словарь современного русского литературного языка*. М.; Л.: АН СССР. 1950-1965. Т. 1-17.

ной своеобразием государственного строя и идеологически, во втором – отмечается формирование качественных смыслов. При этом качественное значение актуализируется как обозначение свойств, носителями которых выступают «люди Страны Советов».

Функциональное усиление качественной семантики способствует дистанцированию смысла производного слова от исторически первичного относительного значения. Грамматическая специализация (качественность-относительность) соотнесена и с варьированием лексико-семантическим, проявляющимся в своеобразном переключении «фокуса эмпатии» при обозначении актуализируемых смыслов – от государственного строя к человеку.

Эти направления развития семантики прилагательного *советский* – сосуществование относительного (относящийся к...) и качественного (свойственный..., такой, как...) значений – находят отражение и в словарях, созданных в постсоветскую эпоху, как, например, в «Толковом словаре русского языка», вышедшем под ред. Д.В. Дмитриева в 2003 г. В словарной статье прилагательного *советский* этого источника отражено формирование еще одного лексико-семантического варианта. В семантической структуре прилагательного выделяется два ЛСВ с относительным значением, интерпретирующих *советское* как историзм: обозначение реалий ушедшей эпохи. В первом ЛСВ интерпретация смыслов советского из перспективы постперестроечной эпохи грамматически маркируется формой прошедшего времени глагола: «Советским назвали то, что было основано на управлении советами как органами государственной власти». В словарную статью вводится иллюстративный материал – словосочетания *советская власть, советский строй, Союз Советских Социалистических Республик*. Первый и второй ЛСВ отражают два варианта отношений: 1) относящийся к власти, государству или 2) относящийся к исторической эпохе, включающей дифференциальный семантический компонент «тип власти» в качестве маркера эпохи: «2. Советским называют то, что относится к исторической эпохе СССР. *Советский народ. Советское правительство, Советская конституция, армия. Советская промышленность, наука, литература*». Третий же ЛСВ фиксирует сформированность качественного значения прилагательного. Однако, в отличие от словарей советской эпохи, в новом словаре отражена более значительная эмансипация качественного значения от его мотивирующей основы:

в советском прошлом сформированы качества, свойства, признаки, отношения, они и именуются как таковые. Качественное значение выражает при этом отношение к эпохе опосредствованно, через уже сформированные качества, проявляющиеся – возможно – и в другие эпохи: «З. Если кто-либо делает что-либо по-советски, это означает, что этот человек совершает какую-либо деятельность в духе, в стиле, который был свойствен эпохе СССР»¹. В этом варианте «советское» может быть проявлено в любое время.

Таким образом, словари отмечают неоднозначную связь смыслов прилагательного *советский* с прошедшей эпохой, в том числе распространяя ее и на устойчивое словосочетание *советский человек*, отражают разрыв семантики прилагательного с собственно временными отношениями с советской эпохой, формирование качественного значения, позволяющего использовать его для характеристики объектов, относящихся к другой временной эпохе. Впрочем, кажется, временная проекция расширения значения здесь одна – из прошлого в будущее. Так ли это? Ответ на этот вопрос мы ищем в использованиях словосочетаний *советский человек*, *советские люди* в контекстах разных дискурсов.

Идеологические словари советской эпохи декларировали формирование особого типа человека, с особыми чертами характера, поведения и мировоззрения. Словарные статьи толковых словарей общерусской или литературной лексики советской эпохи, включая качественные значения в структуру слов, по сути, свидетельствовали о том же. Проанализированные материалы толкового словаря постперестроечной эпохи, авторы которого стремятся представить «живое употребление слова в контексте», могут, на наш взгляд, рассматриваться как свидетельство укорененности мифологема в современном массовом сознании. Однако формат словарной статьи толкового словаря не позволяет представить полную палитру оттенков смысла, выражаемых словосочетаниями *советский человек*, *советский народ*, что может дать направленный анализ контекстов.

Предмет обсуждения в статье – вопрос о том, как функционирует мифологема «советский человек» в нулевые годы нового столетия, после распада Советского Союза, вне советского государства. Наблюдается ли переконструирование мифа в новых социальных кон-

¹ Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. В. Дмитриева. М., 2003.

текстах? При положительном ответе на данный вопрос встает другой – каковы направления переконструирования? Как номинативно и контекстуально маркируется переконструирование? Каков он – советский человек – в рефлексивных контекстах постперестроечного времени и какова доля ностальгических контекстов в общем количестве актуализаций данного концепта?

В качестве основного источника материала, наряду с данными словарей, был использован «Национальный корпус русского языка». Основанием обращения к данному источнику явилось то, что это электронное собрание текстов, представляющее структуру коммуникации на русском языке. Национальный корпус русского языка характеризуется сбалансированным составом текстов, т.е. стремится к включению всех типов письменных и устных текстов и их представлению в своем составе пропорционально их доле в языке соответствующего периода. Помимо художественных текстов, в корпус в большом количестве включаются и другие образцы письменного (а для современного этапа – и устного) языка¹.

О том, что новые социальные практики способствуют переконструированию мифа, свидетельствует появление наряду со ставшим в советские годы почти терминологическим словосочетанием *советский человек* для обозначения советских людей и советского строя имени *совок*. Первое имя – трансляция мифа, контексты его актуализации – это контексты поддержания и трансформации мифа: *И Великая Победа 1945 года в немалой степени обусловлена нравственными качествами советского человека* (Олег Щукин. Раёк от Райкова // Завтра. 2003. 25 июля). Второе имя – маркер формирования постсоветского антими́фа. Следующий контекст в наиболее яркой форме актуализирует общеоценочный крайне отрицательный смысл в условиях нейтрализации дескриптивных смыслов имен *фашист* и *совок* и актуализации оценочной семантики в условиях контекстной синонимизации с именем *подонок*: *И вдруг снова завизжала: – Фашист! Совок! Подонок!* (Эдуард Володарский. Дневник самоубийцы. 1997).

¹ *Русский национальный корпус* [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://www.ruscorpora.ru/corpora-intro.html>. Национальный корпус русского языка в октябре 2010 г. содержал 14 711 345 предложений, 176 226 551 слово. При заданном поиске на словосочетание «советский человек» (в совокупности грамматических вариантов словоупотреблений) с временным ограничением первого десятилетия XXI в. было найдено 864 документа. Далее в статье иллюстративные примеры даются по данному источнику без дополнительных отсылок.

Однако антимиф содержательно зависим от первичного, порождающего его смыслы мифа. При том что общая разнонаправленная оценочность имен очевидна, анализ контекстов свидетельствует о нелинейной, более сложной соотносительности актуализируемых данными лексемами смыслов. С одной стороны, активное функционирование в перестроечные годы имени *совок* отражало стремление преодолеть официальные стереотипы, собственно идеологические аспекты сформировавшегося мифа, с другой стороны, явилось средством поддержания его, мифа, базовой идеи – в советскую эпоху был рожден новый тип человека. Более того, как покажем далее, и словосочетание *советский человек*, и *совок* в определенных контекстах могут актуализировать ностальгические смыслы.

Во-первых, в разностилевых и разножанровых контекстах в «нулевые» годы XXI в. инвектива *совок* и оценочно нейтральное словосочетание *советский человек* актуализируют как относительное значение, относящее характеризуемый феномен к определенной исторической эпохе и в ней замыкающее его: *(Подзаголовок одного материала в суперлиберальной газете «Известия». 2002. № 237) сокрушённо констатирует: «Советский человек исчез, а российский ещё не появился»* (Иван Голубничий. Сквозь сумерки // Завтра. 2003. 2 марта); *Те, кто родились 35–40 лет назад, вынужденным образом причислены к «совку»* (Алексей Левинсон. Дуреть не время! // Неприкосновенный запас. 2003. 11 нояб.), так и качественное значение, разрывающее непосредственную временную связь с ушедшей эпохой, но фиксирующее наличие глубинной связи с образами ушедшего времени. В первом случае *советский человек/советские люди/совки* получают дополнительное определение – *бывший/бывшие: Заповеди существуют тысячелетия, и люди их всегда нарушали, да и плохо знают их бывшие советские люди...* (Виктор Бондарев. Над пропастью во лжи // Независимая газета. 2003. 31 марта); *Представители бывшей общности «советский народ» – люди 50-ти, 60-ти, 70-ти лет, более молодые и более старые, перемещаются по городам без всякой надежды на лучшую долю* (Набатный звон заветов предков // Жизнь национальностей. 2004. 16 июня).

Во втором случае имена *советский человек /советские люди/совки* отражают представление о том, что «советское» в его феноменальности осталось, живет, пока живы поколения, сформировавшиеся при Советском Союзе, несущие в себе, в своем мировоззрении,

поступках, бытовых пристрастиях дух ушедшей эпохи, задающей прецеденты. Эта феноменальность позволяет преодолевать не только время, но и пространство: *В Израиле таких «советских людей» тоже хватает* (Аркадий Киреев. Самая худшая ложь – это полуправда // Лебедь (Бостон). 2003. 14 июля). Не освободившимися от ушедшей эпохи, несущими ее в себе оказываются как те, кто в свое время был ее «оплотом», был причастен к формированию не только социальных основ, но и мифологии (*Впрочем, тот, кто говорит о себе «бывший советский человек», все равно, что говорит «бывший казэбэшник» ...Потому что ни «казэбэшники», ни «советские люди» бывшими не бывают*) (Аркадий Киреев. Самая худшая ложь – это полуправда // Лебедь (Бостон). 2003. 14 июля), так и ее жертвы, пытающиеся противостоять официальной идеологии, однако при этом все же по-своему сформированные в ее среде: *Но в Гортензии жил страх, она, уже пожилая женщина, воспринимала мир таким, как в советские годы. Госпожа Клара сохранила менталитет советского человека. Ее на всю оставшуюся жизнь напугали вызовы в КГБ и следователь – молодая женщина, которая, монотонно постукивая карандашом по письменному столу, изредка уточняла* (Дарья Донцова. Доллары царя Гороха. 2004).

Еще более последовательно идея прецедентности советского, его вневременного характера проявляется при маркировании смыслов именем *совок*: *Все-таки совок, он всегда совок, – удовлетворенно прошипел Бурлюк* (Семен Данилюк. Бизнес-класс. 2003); *Ему уже противно посещать собрания «Единой России» и ощущать, что, несмотря на все деньги, он все равно остался «совком» и холопом* (Дмитрий Фурман. Мотылёк и свеча (Судьба олигарха в России) // Московские новости. 2003. 22 июля).

Представляется важным подчеркнуть, что это переживание внутреннего бытия в советском как феноменальном говорящий нередко представляет, «пропуская его через себя», идентифицируя себя с ушедшей эпохой, с ее неуходящими прецедентами: *Я тоже «совок», советовал Лиде прикупить хлеба для сухарей...* (Николай Амосов. Голоса времен. 1999).

Принадлежность к пространству-времени Советского Союза дает возможность формирования качественного состояния, формирующегося в пределах определенного социально-исторического контекста. Этого состояния можно достигнуть в большей или меньшей сте-

пени: **быть очень советским, настоящим, типичным или отчасти советским человеком: Надо было быть очень советским человеком, чтобы до 1985 года все же не прочитать «Доктора Живаго» с «Котлованом» и «Чевенгуром», не говоря уже об «Архипелаге ГУЛАГе» (Александр Люсый. О томе IV «Теории литературы» // Октябрь. 2003); Н. Ознобишин, как настоящий советский человек, учился у всех и понемногу, не будем обижать память о нем, но специалист был в Р.Б. неглубокий (Тадеуш Касьянов. Рукопашный бой. 2004 // Боевое искусство планеты); Как лишь отчасти советский человек (ГКЧП – мне 12 лет), я с трудом уловил, что имеется в виду... (Нравственна ли всё-таки халява? (форум). 2006).** Как видим, квалификация кого-либо как *типичного* или *очень советского* человека базируется на самых разных признаках, порой весьма далеко отстоящих от смыслов советской мифологемы.

Еще большая дистанция от содержания официального идеологического конструкта маркируется в обозначении типичного советского совком: *Внешность свою он менял с легкостью и делал это профессионально, так что никто из этих парней никогда не узнает в настоящем Кругозоре этого сутулого усатого мужичка в дорожных очках, лысеющего, нескладного, небрежно одетого, типичного среднестатистического совка...* (Алексей Рыбин. Последняя игра. 2000); *!? Ну что сказать про нее: действительно, Совок с большой буквы. ...На самом деле, она редкий тип -- таких еще поискать. Просто квинтэссенция современного совка. Лучшее всего ее можно описать так: из грязи в князи (Женщина + мужчина: Брак (форум). 2004); Будучи в некотором смысле «совком», я удивился, что хозяйка вместо грядки с помидорами, огурцами и прочей овощно-фруктовой съедобностью переводят землю и свой труд на несъедобную цветочность (Анатолий Шиманский. Австралия глазами русского, или Почему верблюды там не плюются // Звезда. 2002).*

При таком подходе локально-временная локализованность жизни конкретного человека в Советском Союзе не гарантирует его «советскости» в идеологическом смысле. Из перспективы нулевых постперестроечного периода то, что осознается: можно жить в Советском Союзе и не быть советским человеком. Основанием противопоставления советских людей и людей, живущих в Советском Союзе, но не являющихся советскими людьми (или совками), могут быть как приметы духовной, интеллектуальной жизни, так и материальной: *Это были фак-*

тически советские «лишние люди», не имевшие никаких шансов на карьеру в области политики и управления (Алексей Макаркин. Русские, обманувшие себя (и) // Совершенно секретно. 2003. 06 февр.); Импортные магнитофоны и телевизоры издавна служили советскому народу в качестве предметов семейной гордости и признаков, по которым «замшу» отличали от «совков» (Юлия Игнатьева. Прожиточный максимум // Известия. 2003. 10 июня).

Рассмотрим далее, какие смыслы из сознательно сформированного в советское время мифа транслируются в контекстах нулевых годов XXI в., насколько они при этом трансформируются. Сопряжено ли это возвращение к смысловым компонентам мифологемы с эмоцией ностальгии?

1. В качестве некоего эталона советского человека нередко выступает «простой советский человек», который и воплощает в наиболее яркой форме внутреннюю мотивированность присвоения ему данного имени. Эта аспектация бытования советского в современных контекстах, как правило, относима к прошлому. *Разумеется, для простого советского человека всегда велик был соблазн поговорить с лидером, а то и пожать ему руку или напрямую попросить что-то для себя, семьи (Борис Грищенко. Посторонний в Кремле. 2004); Без него рвется цепь символов, дававших «простому советскому человеку» цельную картину мира и ставших частью нашего национального сознания (Валерий Выжутович. Диагноз: маниакальная шпиономания. 2003).* При этом типичный способ введения варианта идеологемы «простой советский человек» в контексты нулевых с использованием метатекстового маркера – закавычивания – свидетельствует о дистанцировании говорящего от данного образа, отнесения его к чужим текстам и ментальностям и о скорее отрицательном отношении, нежели позитивном: *Казенные публицисты, мобилизованные «представители научной общественности», организованные «простые советские люди» в главных газетах страны высказали все, что им было велено думать о Сахарове и Солженицыне (Геннадий Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода. 2004; Написанные словно под копирку письма «простых советских людей» о наконец-то появившейся у города хозяйке (Игорь Владимиров. Сюрприз для тети Вали. 2003).*

2. Принадлежность к массе, единство советских людей, маркируемое текстовыми операторами *каждый, всякий, все*, сочетанием

с числительным *тысячи, миллионы*, также является одним из наиболее устойчивых мифологических смыслов, воспроизводимых в современных текстах. Данные смыслы транслируются в сочетании с полярными оценочными модальностями: *Мало того, что «вульгарный», так этот истмат еще всех советских людей идейно разоружил и сделал беззащитными* (Дмитрий Ильин. Что нам делать с марксизмом? // Наш современник. 2003. 15 июля); *Советская картина мира, как, собственно, и любая тоталитарная, завидно однопланова: каждый советский человек знает и воплощает в жизнь установки, данные сверху, и никакого ситуативного или индивидуального отношения к ним не предполагается* (Светлана Леонтьева. Трудовое детство // Отечественные записки. 2003). *Разве нормальным было поведение миллионов советских людей, которые жили как бы не помня, что другие миллионы их соотечественников, в том числе близких родственников, погибли во время раскулачивания, были расстреляны как «враги народа», томилась в лагерях?* (Ирина Медведева, Татьяна Шишова. Диктатура безумия // Наш современник. 2004. 15 февр.); *И нас – сотни миллионов советских людей – вместе с вами* (Александр Казинцев. Путь Филиппа // Наш современник. 2004. 15 июля). Очевидно, что независимо от того, какие качества сформированного в советскую эпоху человека обсуждаются в конкретном текстовом фрагменте и каково отношение к ним говорящего, внутреннее единство всех, каждого, миллионов вводит в контекст в качестве пресуппозиции, что является показателем укорененности такого представления в массовом сознании.

3. Как отмечалось, в советских идеологических документах в качестве базовых характеристик советских людей отмечалась их принадлежность к советской, исторически сложившейся, идеологической и социальной общности в качестве более значимой, нежели этническая. В контекстах нулевых проявляются сложные отношения мифологемы «советский человек» с этнонимом «русский». Варианты актуализации в современных контекстах при этом весьма широки – от возможности взаимозамены до установления вариантов несоответствия: *Осознание угрозы заставляло людей сплотиться вокруг самого очевидного – защиты права русских (советских) людей иметь свой дом на земле* (Александр Казинцев. Путь Филиппа // Наш современник. 2004. 15 июля); *Надо сказать, что в те годы в Болгарии и власти, и народ относились к советским людям, и осо-*

бенно к русским, с искренней симпатией (Криминальный конфликт // Боевое искусство планеты. 2004. 11 марта). Контексты выявляют идею генетической преемственности или, напротив, оппозиционности смыслов *советский – русский человек: Советский человек немного взял от человека – русского; но страстное, ревнивое, любовное влечение к правде он полностью в душе своей сохранил и даже многократно усилил* (Александр Архангельский. 1962); *Советские люди подняли русский бунт; русский бунт был подавлен с азиатской жестокостью* (Александр Архангельский. 1962; Послание к Тимофею. 2006); *То советскому человеку видятся русские сны, то русскому — советские* (Александр Архангельский. 1962; Послание к Тимофею. 2006). Контекстуальное соотношение «русский – советский» может актуализировать двойственность сознания человека, жившего в советскую эпоху, или двойственность его интерпретации в разных идеологических фокусировках, в том числе советское интерпретируется как истинно русское: *Шельмуют традиционные представления и ценности русских, именуя их мировоззрением «совка»?* (Александр Казинцев. Симулякр, или Стекольное царство // Наш современник. 2003. 15 дек.); *Но телевидение находится в руках сторонников сокращения численности русского народа, который они высокомерно именуют «совками», а «совки», дескать, не достойны иметь потомства* (Против дерусификации русских // Жизнь национальностей. 2004. 16 июня).

4. В качестве одного из важнейших смысловых элементов официально формируемой мифологемы утверждалась идея – советский человек не принадлежит ни к какому социальному классу, в СССР сформировался его некий надклассовый статус, определяемый как *трудящийся человек*. В контекстах нулевых мы, с одной стороны, находим практически буквальную трансляцию смысловых компонентов советского мифа, где советский человек – это прежде всего труженик, а его труд – жертвенный, труд – подвиг: *Как отмечает ученый, поистине жертвенный труд советских людей обеспечил увеличение выпуска промышленной продукции в 1940 г. на 45% по сравнению с 1937 г.* (Алексей Кожевников. По страницам нового учебника // Наш современник. 2004. 15 июня); *Равными ему по значению были трудовые подвиги советских людей по выполнению известных постановлений «О развитии Нечерноземной зоны», «О продовольственной программе», «О химизации, мелиора-*

ции, техническом перевооружении и социальном развитии села» «О стирании грани между городом и деревней» (В спасении деревни – безопасность страны // Жизнь национальностей. 2004. 16 июня). Жертвенный труд, труд-подвиг – всегда «во имя», где объект посвящения обезличен, отождествляется с государством, партией. Истоки ностальгического конструирования этого аспекта образа советского человека – нахождение автора текста в идеологическом поле «конструкторов мифа» либо сохранение в исторической памяти идеологических клише и некритическое отношение к ним. А с другой стороны, в то же время в новой социокультурной ситуации актуализируются характеристики труда и отношения к нему, складывающегося в массовом сознании: труд человека в советские времена – «труд подневольный», труд, результат которого обезличен, отчужден от субъекта, вследствие этого превращающийся в «халяву»: *делала с присущей советскому человеку прохладцей – ибо советский человек, кем бы он ни работал, старался не перенапрягаться, разве что когда трудился над диссертацией, долженствующей обеспечить ему шаг на следующую ступень благосостояния* (Гоар Маркосян-Каспер. Кариатиды // Звезда. 2003). В сфере наиболее резкой отрицательной оценки находится тотальная безответственность работающего человека за результаты труда: *Какой-то идиотский совок-архитектор вырезал из планировки кухню и занял ею половину одной из двух комнат, разделив её стеклянной перегородкой (чтоб он сам там жил!* (Николай Журавлев. М.В., или «Мы пахали!» // Вестник США. 2003. 15 окт.). Примеры подобного рода являются свидетельством того, что современные речевые практики реконструируют моменты «наложения, как минимум, двух лингвориторических картин мира – официально-мифологической и относительно реальной, выводимой из фактов, доступных наблюдению»¹, свойственному советской эпохе.

5. В центр конструируемого в советское время мифа о формировании новой исторической общности помещалось утверждение о том, что основой новой общности является единство идеологическое: советский человек имеет особое мировоззрение, особый характер, особые черты поведения. Анализ текстов, размещенных в Рус-

¹ Ворожбитова А.А. «Официальный советский язык» периода Великой Отечественной войны: лингвориторическая интерпретация // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 2: Язык и социальная среда. Воронеж, 2000. С. 21–42.

ском национальном корпусе, свидетельствует о широкой палитре способов транслирования и переконструирования смыслов, в том числе и аранжировке ностальгической модальности: *А эти успехи я объясняю, в свою очередь, тем, что мы, советские люди, идя через нечеловеческие испытания и трудности, познали ни с чем не сравнимое счастье беззаветно служить социалистической Родине* (Семен Борзунов. Бросок: Берлин – Прага // Наш современник. 2004. 15 мая); *Проигрывать было не в правилах советских людей – и, к нашему большому везению, я узнал, что в группе советских войск служат два очень известных футболиста, к тому же мои хорошие приятели* (И.Э. Кио. Иллюзии без иллюзий. 1995–1999); *И, право же, зачем усложнять в сущности простую истину: абсолютное большинство советских людей либо не имели понятия, либо весьма поверхностно представляли себе, что такое «истмат», но всем своим отзывчивым сердцем вобрали в себя его духовный завет – ИДЕАЛ (ВЕРУ В КОММУНИЗМ)* (Дмитрий Ильин. Что нам делать с марксизмом? // Наш современник. 2003. 15 июля). Уже в этом фрагменте, построенном в целом на эксплуатации привычных штампов советского политического дискурса, отмечается расхождение официальной идеологии и ее трансформации в массовом сознании. Рефлексия особенностей советского менталитета, его многослойности, неоднозначности – и все же «особости» – одна из доминант в сохранении ядра и переконструировании мифа. С одной стороны, советские люди воспринимают мир, интерпретируют его особым образом, что отражается в их дискурсах, не понятных «непосвященным»: *Опять-таки, это был разговор «советских» людей между собой, на своем языке* (Сергей Завьялов. Так что же нам делать? Мордовский взгляд на Россию. 2003). С другой стороны, этот особый мир не является в смысловом отношении тождественным тому, что официально декларировался, более того, он может отстоять от официально отстоящих конструктов сколь угодно далеко: *Дело здесь, кажется, в том, что в сознании «советского» человека многонациональный характер страны носил скорее некий декларативный и, более того, декоративный характер, был такой же мнимостью, как «выборы», как коммунизм, при котором была обещана жизнь «уже этому поколению»* (Сергей Завьялов. Так что же нам делать? Мордовский взгляд на Россию // Неприкосновенный запас. 2003. 16 марта). Однако это «отстоянье» от советской идеоло-

гии все-таки рождается в пределах самой системы, формируется как реакция на идеологические постулаты в условиях их столкновения с «реальной жизнью», порожденной этой системой: *Круг ее знакомств ширился, ее наконец-то признали врачом, в посольском городке отвели смотровой кабинет, и советские люди, привычно не доверяя никаким начальникам, охотно жаловались Глаше на нездоровье* (Анатолий Азольский. Глаша // Новый мир. 2003); *И тем не менее советский человек все равно чувствовал себя обманутым: обещали коммунизм, а в Челябинске колбасы нет... Так, может, прав Шульгин, который писал, что голодные не бунтуют – бунтуют сытые* (Сергей Баймухаметов. Обманутые надежды-2, или Загадочный крах коммунизма // Вестник США. 2003. 24 дек.).

И вновь мы можем наблюдать полярные аксиологические доминанты в переоценке особого менталитета типичного (нормального? среднего?) советского человека. Оппозиция официально декларируемым ценностям видится как проистекающая из следования общечеловеческим ценностям: *В тот январский день, услышав об указе, узнав об изгнании еще одного кумира поколений, нормальные, приличные советские люди, сидя в пивных, на кухнях, в беседках морозных дворов, выпивая из стаканов или просто из горла, желали своему правительству, родной власти, КПСС и лично товарищу Л.И. Брежневу одного: «Чтоб вы провалились!»* (Владимир Молчанов, Консуэло Сегура. И дальше века... 1999–2003), а бытование в условиях постоянного конфликта ценностных, идеологических, этических картин мира – как истоки и драматизма существования советского человека, и формирование особой ментальности: *Но я все время боялся, значит, какой же старый комок этой самой кошачьей неизвергнутой шерсти, этой внутренней невозможности советского человека, этой затерянности нашей на краю света стоит в горле?* (Андрей Битов. Русский устный и русский письменный // Звезда. 2003). Следование же официальной идеологии трактуется как измена принципам общечеловеческой морали: *Совки, исповедующие героическую мораль, но лишённые обычной, на каждый день, могут строго спросить: почему моя мать не последовала за мужем в его изгнание?* (Юрий Нагибин. Тьма в конце туннеля. 1994).

Одна из ярких особенностей переконструирования мифа о формировании новой общности советских людей, характеризую-

щейся единством мировоззрения, – актуализация формирования этого мировоззрения в условиях конфликта официальной идеологии и скудости быта, рождающего чувство ущербности: *Не спешит, гад, ботиночки переставляет едва-едва, а я, несчастный совок, прусь в набитом троллейбусе, и на меня дышит вирусный грипп, а неужели бы я не хотел так, как тот, с веточкой?* (Галина Щербакова. Подробности мелких чувств. 2000); *Вечная нужда уродовала психику, превращая несчастных «совков» в посмешище* (Борис Грищенко. Посторонний в Кремле. 2004).

Таким образом, в постперестроечную эпоху контексты разных дискурсов, прежде всего – художественный и публицистический – транслируют мифологему в условиях сохранения базовых смыслов: в СССР сложилась особая историческая общность «советский народ»; человек, принадлежащий этой общности, отличается стилем мышления, образом жизни.

Однако при этом наблюдаются элементы несомненного переконструирования мифа, что осуществляется за счет актуализации не только смыслов, официально формируемых и транслируемых в советских политических дискурсивных практиках, но и тех, которые порождались массовым сознанием в советскую эпоху в условиях столкновения идеологии и действительности, но не были столь открыто артикулированы в различных дискурсивных сферах. Одно из значимых направлений переконструирования – актуализация смыслов «типично советский быт» в качестве условий формирования менталитета советского человека, а материальных примет быта – в качестве базовых ценностных ориентиров картины мира советского человека/совка: *Тех, кого мучает ностальгия по Союзу, удачливые хозяева новой жизни брезгливо прозвали «совками», для которых, мол, дешевая вареная колбаса и недорогая водка олицетворяют главные ценности советского строя* (Виктор Баранец. Генштаб без тайн. Кн. 1. 1999).

Именно мифологичность смыслов, обозначенных именами *советский человек/совок*, полярность выражаемых оценок позволяют использовать их в условиях противопоставления «своего» прошлого «чужому» настоящему, обнаруживая его как в ушедшей эпохе, так и в реальности наших дней: *Тяжелая темная машина выглядела нелепо на узкой жаркой дороге, но уж тут, подумал Сергей, совки себе изменить не могут: «мерседес» или «вольво» – вот их рай, их*

Царствие Небесное, уж если возможность появилась, они не упустят (Александр Кабаков. Сочинитель. (1990–1991). Анализ всех контекстов актуализации словосочетаний *советский человек, советский народ* позволяет сделать вывод о том, что они объективируют мифологему, которая совмещает элементы структурированности, наличие смысловых доминант с комплексом неясных, слабо дифференцированных, субъективных образов, что объясняет возможность ее актуализации в контекстах, во-первых, выявляющих практически взаимоисключающие смыслы (самоотверженный труд – халява и под.), во-вторых, с разнонаправленной оценочной модальностью. При этом следует отметить сравнительно незначительную долю ностальгии в спектре модальностей при переосмыслении опыта советской эпохи посредством обращения к данному конструкту.

2.4. Родина или совок? Рефлексия «советского» образа жизни в виртуальном дискурсе

В современной общественной и частной жизни россиян в последние годы актуализировался феномен советского. Пожалуй, можно говорить о том, что национальное сообщество преодолело ту минимальную временную, историческую «дистанцию», когда раздражение сменяется любопытством, «вглядыванием», попыткой определить собственное отношение к феномену. Выросло поколение, родившееся и сформировавшееся в совершенно иной культурной среде и испытывающее естественный интерес к способам мироустройства и, в первую очередь, к такому, в котором жили их родители. Русское общество оказалось в культурно-исторической ситуации, требующей рефлексии, в первую очередь, для восстановления культурно-исторических связей, формирования культурно-исторической идентичности для нового поколения русских. Поэтому интерес к феномену советского в историческом и культурном аспекте формируется, с нашей точки зрения, совершенно естественным, стихийным образом как попытка культурно-исторической самоидентификации.

В настоящей работе мы обращаемся к анализу этого процесса, проявляющегося в сфере виртуального дискурса. Чем обусловлено наше обращение именно к этой дискурсивной сфере? В современной лингвистике под виртуальным дискурсом понимается вся система коммуникативных взаимодействий, осуществляющаяся в сети Ин-